

УДК 343.102

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ТАЙНА» В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Иванович Тамбовцев

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
bestcopat@mail.ru

Аннотация. Осуществление оперативно-разыскной деятельности ее многочисленными субъектами и лицами, оказывающими им конфиденциальное содействие, объективно связано с появлением, оборотом и вариативным использованием сведений об оперативно-разыскных силах, средствах и методах, содержащих служебную и государственную тайну. Вместе с тем в целом ряде федеральных законов и ведомственных нормативных правовых актов есть положения, регламентирующие ее оборот в деятельности правоохранных ведомств вообще и субъектов оперативно-разыскной деятельности в частности. Закон Российской Федерации «О государственной тайне» в ст. 1 декларирует официальное легитимное определение понятия «государственная тайна». Однако содержание, которое вкладывается законодателем и ведомственными нормотворцами в понятие «тайна» (и ее разновидности) в иных нормативных правовых актах, и его (понятия) юридическая интерпретация правоведами и правоприменителями не являются едиными и однозначными. К тому же длительные исследования социально-правового феномена тайны учеными, представляющими различные отрасли права, тоже не привели к устранению коллизий в понимании сущности и содержания рассматриваемого понятия и его дефиниции. Автором предпринята попытка проанализировать современные воззрения ученых и практиков на понятие «тайна» в рамках исследования феномена негласности в оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, тайна, государственная тайна, частная теория негласности, негласность в оперативно-разыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы определения и толкования понятия «тайна» в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). С. 137—146.

ISSUES TO DETERMINE AND INTERPRET THE CONCEPT OF "SECRET" IN DETECTIVE ACTIVITIES

Andrey Ivanovich Tambovtsev

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia, bestcopat@mail.ru

Abstract. Implementation of detective activities by its numerous subjects and persons providing confidential assistance to them is objectively associated with the appearance, turnover and variables of information related to detective forces, means and methods containing official and state secrets. At the same time, in a number of federal laws and departmental regulatory legal acts, there are provisions to govern its turnover in the activities of law enforcement departments in general and subjects of detective activities in particular. Law of the Russian Federation "On State Secret" declares an official legitimate definition of the concept of "state secret" in Art. 1. However, the content of the concept of "secret" (and its varieties) determined by the legislator and departmental creators of regulatory acts in other regulatory legal acts, as well as legal interpretation of the concept made by lawyers and law enforcement agents are not unified and unambiguous (definite). In addition, scientists representing various branches of law have studied the socio-legal phenomenon of "secret" for a long-term period and their results have not lead to the elimination of conflicts in understanding the essence and content of the concept under consideration and its definition. The author attempts to analyze the modern views related to the concept of "secret". These views of scientists and practitioners are considered as a part of the study of the phenomenon of non-publicity in detective activities.

Keywords: detective activities, secret, state secret, private theory of non-publicity, non-publicity in detective activities, ensuring non-publicity, institution of non-publicity, conspiracy (secrecy)

For citation: Tambovtsev A. I. Issues to determine and interpret the concept of "secret" in detective activities. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 137—146, 2025. (In Russ.).

Эффективность любой не спонтанной, а осознанной и целенаправленной деятельности лиц и неких малых и больших социальных организаций, структур и институтов зависит от широкого ряда весьма разнообразных, неоднородных причин. Со временем человек и общество приходят к пониманию необходимости выявления, осмысления и формулирования принципов, закономерностей, условий эффективности и проблематики того или иного вида деятельности и к осознанию зависимости конечной эффективности деятельности от научной разработанности как общих базисных теоретических положений указанной деятельности, так и ее отдельных, более узких эмпирико-направленных управленческих, организационно-тактических, технических, психологических и иных структурных составляющих. В то же время актуальность и практическая значимость последних является производной от научной обоснованности и разработанности первых.

Выработка концептуальных положений разрабатываемой нами частной научной теории негласности в оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) должна основываться главным образом на формулировании безупречного максимально полного, точного, единообразного фундаментального понятийно-категориального аппарата. Его содержание должно быть приемлемым прежде всего для всестороннего абстрактно-теоретического описания, исследования и раскрытия изучаемого социального явления / деятельности (в данном случае — негласности и вопросов ее обеспечения) в сфере непосредственного существования изучаемого социального феномена (применения, реализации, обеспечения деятельности). Но также содержание должно быть приемлемым и для использования в смежных направлениях социальных активностей и / или институтов. Кроме того, понятийный аппарат должен быть применим к непосредственному использованию в выявлении, изучении и решении сугубо прикладных эмпирических проблем, в нашем случае — проблем правоприменительной практики и граничащих с ней иных отраслей и сфер жизни.

Изучая феномен негласности во всех его функционально-прикладных, нормативно-правовых и сугубо научно-теоретических проявлениях и выраже-

ниях, можно утверждать, что понятия «негласность» и «обеспечение негласности» как некие социально-правовые явления и связанные с ними различные виды прикладной активности (деятельности лиц, организаций и ведомств), несомненно, имеют оперативно-разыскные, общеправовые и даже общеправовые философские смыслы / значения. В свою очередь рассматриваемые явления и понятия, их определяющие, по содержанию и смыслу, семантически и прагматически (функционально) связаны со смежными и в чем-то пересекающимися, взаимосвязанными и взаимозависимыми явлениями и понятиями — тайна (сохранение тайны), конспирация, конфиденциальность, режим секретности, которые до сих пор используются некоторыми правоведами как синонимы [1, с. 79], что, конечно же, представляется весьма полемичным. Вместе с тем понятие «режим секретности» официально используется не только в оперативно-разыскной сфере, но и во многих других, прямо или косвенно связанных с оборотом государственной тайны¹, а понятие «тайна», общее для всех иных понятий, еще более распространено и может быть связано со сферами, вообще не относящимися к правоохране.

Однако существующие в настоящее время авторские научные воззрения на сущность и соотношение данных социально-правовых институтов достаточно вариативны, вплоть до категорично-коллизийных. Тем не менее действующее законодательство России (не только закон об ОРД, но и другие нормативные правовые акты) либо вообще не раскрывают значения большинства упомянутых терминов, либо делают это лишь частично (в основном в контексте регламентируемой отрасли права), что недостаточно для всестороннего научного анализа, сопоставления данных терминов и установления их сущности и соотношения, пригодного для использования в частной научной теории. Исходя из этого, ввиду имеющейся полемичности рассматриваемых терминов, существует проблема их всестороннего теоретического осмысления и дальнейших умозаключений с ними, ибо, как

¹ См., например: Об утверждении Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 дсп.

справедливо отмечено профессором Г. Ч. Синченко, «наука не состоятельна без строгости мышления и терминологии» [2, с. 33].

Все без исключения работы наших предшественников, исследовавших сущностную природу тайны, негласности, конспирации и режима секретности [3—5], свидетельствуют о необходимости определения не просто сущности и содержания упомянутых феноменов, но именно их субординации, соотношения и «влияния» друг на друга, и это полностью соответствует утверждению, что «для развития любой науки необходимы дескриптивные аналитические схемы, с помощью которых выявляются черты сходства и различия между объектами и явлениями, составляющими изучаемую этой наукой область» [6, с. 81]. Именно это позволяет выявить суть каждого из тесно переплетенных и взаимосвязанных рассматриваемых явлений и определить их предпосылки, функциональную и правовую природу. Результаты многочисленных исследований указанной проблематики такими учеными, как С. И. Сулова, А. А. Дворников, И. В. Бондарь, А. В. Швецов, И. Ю. Мирских, Т. А. Андропова, Ю. В. Кайнова, Д. И. Гунин, И. А. Ворошилин, С. В. Мицук и др., показали бесспорный прагматизм данного направления, в связи с чем нами избран аналогичный подход в наших научных изысканиях.

В контексте сказанного предметом рассмотрения настоящей статьи будут вопросы о сущности и содержании понятия «тайна».

Начиная размышления о сущностной природе тайны как таковой, полагаем, что следует согласиться с выводами ученых, ранее исследовавших данную проблематику [7—9] и считающих, что само явление тайны, содержание чего-то в секрете от окружающих свойственно человечеству с древнейших времен, задолго до появления институтов государства, права, ОРД и т. п., и не требует каких-либо фактических доказательств. Основываясь на этом, можно утверждать, что родовым (и всеобъемлющим понятием для всех рассматриваемых) является именно понятие «тайна». Этот же постулат прослеживается в более поздних и близких нам по духу концептуальных исследованиях нашего современника профессора Н. В. Павличенко, изучавшего негласность и конспирацию как обеспечительные меры охраны (безопасности) лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД [10].

В то же время считаем возможным и необходимым толковать рассматриваемые положения расширительно, так как институт тайны и ее со-

хранения (защиты) относится не только к ОРД (или деятельности силовых ведомств и спецслужб), но и ко многим иным социальным сферам, а значит, и рассматриваемое понятие «тайна» и «смежные» с ним иные понятия должны удовлетворять их все без исключения. Поддержку выбранного нами подхода находим у ученых, рассматривавших ранее тайну как некий феномен, свойственный не только и не столько ОРД (или правоприменению вообще), но и многим иным не «силовым» сферам жизни общества — коммерции, журналистике, медицине, нотариату, банковской деятельности и пр. [11—13], имеющим многолетнюю и даже многовековую историю. Однако анализ дефиниций понятия «тайна» показывает неоднозначное понимание авторами и нормотворцами его содержания, что является неприемлемым для нашего исследования и требует своей конкретизации, так как «важно сформулировать понятие изучаемого явления, поскольку оно служит методологическим инструментом его познания» [14, с. 8].

Наиболее простое, но в то же время универсальное определение понятия «тайна» имеется в энциклопедических изданиях, ставших «обязательными классическими» источниками во всех без исключения фундаментальных работах по исследуемой тематике [15; 16]. Основываясь на многочисленных дефинициях понятия «тайна», обобщенно и вместе с тем избегая смысловых и содержательных ошибок, его можно представить как «некий секрет; нечто, скрываемое от других; что-то, известное не всем». Обращаем особое внимание на изначальную смысловую неопределенность в отношении скрываемого объекта (объекта тайны) и на отсутствие в рассмотренных дефинициях указания на информацию или сведения, что в контексте дальнейших рассуждений представляется принципиально важным и значимым. Причем считаем это не авторской или редакторской ошибкой наших предшественников, а осознанной и специально указанной спецификой. Кроме того, важнейшим с общепhilosophической точки зрения нам представляется именно обобщенный характер термина «секретный / тайный» без какого-либо соотношения с такими делопроизводственными и «режимными» характеристиками тайн и их носителей, как «государственная», «служебная», «профессиональная», «корпоративная», «особой важности», «совершенно секретно», «секретно» и т. п. Правильно сформулированное понятие должно соответствовать любому из упомянутых описательных терминов, даже если оно

касается только и исключительно чего-то личного, обсуждаемого / происходящего между двумя лицами.

В контексте сказанного интересными и важными нам представляются научные рассуждения наших коллег о сущностной и правовой природе тайны. Так, в своей концептуальной работе о проблемах защиты тайн в ОРД Д. В. Попандопуло представляет важнейшие для нашей работы взгляды — свои и своих коллег-исследователей — на содержание понятия «тайна»: «Сериков В. Н. не считает нужным разделять категории тайны и секрета, и им дано следующее определение: секрет (тайна) — это конкретизированное субъектом состояние материального объекта (свойство предмета, вещества, содержание какого-либо события, явления, действия, процесса, замысла), которое посредством его сокрытия может быть использовано в противостоянии сторон, с целью достичь, не допустить или затруднить получение преимуществ одной стороны относительно другой» [17]. В данном случае он отождествляет тайну и секрет, с чем невозможно согласиться в полной мере. Например, секретом в военном деле называется наблюдательный пост, а в биологии — вещества, вырабатываемые и выделяемые организмом человека и животных [18]. Замысел (особенно нереализованный), упомянутый в определении, достаточно сложно отнести к материальным объектам. Вместо предлагаемого В. Н. Сериковым подхода представляется правильным в области права отдать предпочтение разделению данных категорий, относя секрет к свойствам идеального или материального объекта, а тайну — к информации об этих свойствах и субъективному отношению обладателя объекта на необходимость сокрытия сведений о них от других лиц [19].

Критически рассматривая представленные научные взгляды, мы считаем возможным и целесообразным высказать некоторые сомнения в их аргументации.

Во-первых, в контексте нашего исследования не принципиально (и даже — вредно) «терминологическое» разделение понятий «секрет»¹ и «тайна».

¹ Нами не принимается во внимание «биологическое» значение термина «секрет» как некие физиологические (гормональные, запаховые, сальные и пр.) выделения железами человека или животного, не имеющие никакого отношения к теме нашего исследования. В то же время считаем, что военный термин «секрет», как скрытый наблюдательный пост, по нашему убеждению, имеет ту же самую этимологическую и се-

Принципиально речь в обоих случаях ведется о том, что неизвестно, неочевидно, скрывается. Опосредованным, но тем не менее доказательством нашей правоты является тот факт, что смысловое разделение этих двух практически синонимичных терминов в их наиболее общем значении свойственно в основном русскому языку. Иные иностранные языки имеют единый общий термин (слово) для обозначения обоих этих понятий, например: английский — *secret*, немецкий — *geheimnis*, испанский — *secreto*, итальянский — *segreto*, арабский — *سر* (*sirun*), китайский — 秘密 (*Mimi*), иврит — *תיו* и др.

Во-вторых, считаем, что при рассмотрении сущности тайны как некоей определенной характеристики (качества) информации последнюю (а именно информацию) следует расценивать с самых широких философских воззрений как любое, и в частности чувственное, коммуникативное, абстрактно-теоретическое и прочее отражение Бытия, под которым понимается следующее: «...и материальные вещи, и все процессы (физические, химические, геологические, биологические, социальные, психические, духовные), это и их свойства, связи и отношения. Плоды самой буйной фантазии, сказки, мифы и даже бред сумасшедшего...» [20, с. 223]. Бытие во всех своих бесконечных (в том числе знаково-информативных и документальных, т. е. зафиксированных в виде сведений) проявлениях и есть возможность возникновения тайны между субъектами этого бытия.

В-третьих, детерминация предлагаемого авторами разделения понятий большим или меньшим предпочтением для использования одного из них именно в правовой сфере нам представляется не совсем корректной и допустимой. Считаем, что ОРД и иные, смежные с ней, наряду с неоспоримой функциональной (действенной) составляющей являются, прежде всего, сугубо правовыми сферами (что выражено в Конституции и многочисленных нормативных правовых актах федерального и ведомственного уровня) и отражаются в действительности посредством неких состояний и действий, независимо от того, нашло это свое документальное отражение или нет, и будет ли вообще задокументировано в виде сведений на каком-либо носителе. Очень часто такие состояния или действия, не будучи отраженными в служебных документах, составляют служебную

мантическую природу и основан именно на секретном, тайном характере действий специального дозорного или наблюдательного поста.

(а порой и государственную) тайну и нуждаются в строжайшей защите.

В-четвертых, аргументация автора о нематериальной природе замысла (тем более нереализованного) как детерминанте невозможности рассматривать замыслы как некие тайны нам представляется несоответствующей сущности ОРД. Оперативно-разыскная деятельность во многом состоит именно из замыслов непосредственных исполнителей, чья реализация (или нереализация) обусловлена целой совокупностью временных, объективных и субъективных факторов. Хрестоматийным академическим примером этого является структура оперативной комбинации, где первый и основной обязательный элемент именно замысел — представляющий собой наиболее общую программу действий оперативного сотрудника мысленный сценарий искусственного создания благоприятных условий, которые он намеревается осуществить для успешного решения оперативно-тактической задачи. Это своеобразная информационная модель оперативной комбинации, разработанная с учетом всех факторов, имеющих значение для ее проведения [21; 22].

В контексте сказанного любой план оперативно-разыскных мероприятий по раскрытию преступления или оперативной разработке есть не что иное, как замысел, воплощенный в документе, имеющем гриф секретности, т. е. являющемся тайной. Таким образом, изначально замысел оперативного сотрудника (даже как идея, не отраженная в служебных документах) должен храниться в тайне от многих категорий лиц (особенно от фигурантов оперативной разработки). Однако по различным причинам замысел, независимо от того, воплощен ли он в документ или нет, может остаться нереализованным. Но даже тогда он не перестает быть тайной!

В свете сказанного считаем понятия «секрет» и «тайна» практически идентичными. Далее во всех рассуждениях нами будет использоваться обобщенное дуалистичное понятие «тайна», представляющее собой как состояние неведения кого бы то ни было об абстрактном (в смысле любом) объекте — материальном, живом, цифровом, мыслительном процессе, некой ситуации, действию / деятельности и пр., способном к информационному отражению в действительности, так и любые скрываемые сведения (задокументированная информация) о таком объекте.

Попытки таких авторов, как А. А. Фатьянов, С. В. Кузьмин, И. В. Бондарь, Л. И. Джантемиров, М. В. Пермяков, Д. И. Гунин, Ю. С. Пилипенко и др., а также законодателей представить тайну

(во всех ее видах — государственную, служебную, профессиональную и пр.) как некие сведения, по нашему убеждению, являются «усеченными» и полемичными, как минимум с позиций действующих правовых первоисточников — Закон РФ «О Государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1, федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ и реальной правоприменительной практики и деятельности спецслужб.

Так, авторы Военного энциклопедического словаря 1986 г. издания (т. е. рассматривающие среди прочего и аспекты, связанные с военной тайной и военной безопасностью государства задолго до выхода в свет законов о государственной тайне, об информации, информационных технологиях и защите информации, о персональных данных и некоторых иных) определяют военную, государственную и служебную тайны исключительно как некие сведения разной степени важности (особой важности, совершенно секретные, секретные) военного, политического, экономического и иного характера [22]. В настоящее время аналогичная (спорная / некорректная, по нашему убеждению) концепция, имеющая уже юридическую форму и статус правовой нормы, просматривается в действующих упомянутых федеральных законах, регламентирующих данную сферу.

Например, ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» Федерального закона «О Государственной тайне», определяет государственную тайну как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». В то же время такое положение этой же статьи рассматриваемого закона, как «носители сведений, составляющих государственную тайну, — материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов», позволяет утверждать, что под государственной тайной законодателем понимается исключительно задокументированная (зафиксированная) на носителях в виде сведений информация. Подтверждение данной законодательной позиции находим в ранее и ныне действующих нормативных правовых актах, являющихся «производными» от Закона РФ

«О государственной тайне» — постановлениях Правительства Российской Федерации¹ и ограниченных в свободном доступе приказах МВД России, регламентирующих защиту государственных тайн. Аналогичная ситуация представлена и в академическом издании — учебном пособии по делопроизводству и режиму секретности, фактически воспроизводящем положения Закона РФ «О государственной тайне»: «сведения — документированная информация, образующаяся в ходе оперативно-служебной деятельности подразделений, предприятий, учреждений и организаций при реализации возложенных на них законодательством задач и функций» [23, с. 106]. Но даже из этого определения очевидно, что образующаяся в процессе ОРД информация может быть незадокументированной, но при этом существовать в природе, и ее также необходимо охранять в определенных случаях.

Идентичная ситуация усматривается и в нормах второго правового первоисточника, критически важного для нашего исследования — Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Статья 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» данного нормативного правового акта определяет информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Иными словами, речь ведется именно о зафиксированной каким-либо образом (в какой-то форме) информации, которую можно передавать и принимать, а не об информации как некоем абстрактном феномене — «отражении фактов материального или духовного мира, свойственном любому объекту или явлению»², способном к восприятию субъектом посредством органов чувств и существующем независимо от субъекта. Таким образом, можно утверждать, что законодатель понимает под информацией именно зафиксированные (задокументированные) сведения, независимо от способа фиксации — речь, фото, видео, магнитные поля, буквы, символы, знаки и пр. В то же время для целей нашего исследования

информацию следует понимать не только как некие зафиксированные сведения, но и как объективное отражение действительности (предметов, событий, лиц) во всем их качественном и количественном многообразии. И это принципиально важно!

Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ хотя и не столь критичен, но также содержит схожие лексические конструкции, допускающие их неоднозначные интерпретации, не приемлемые в юриспруденции и законотворчестве. Так, совокупность понятий, декларируемых в ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», позволяет утверждать, что в данном законе такой вид информации, как персональные данные, рассматривается исключительно в виде сведений, пригодных для некоего оборота — сбора, записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), извлечения, использования, передачи (распространения, предоставления, доступа), обезличивания, блокирования, удаления, уничтожения, а не в широком смысле. Справедливости ради стоит отметить, что для узкой сферы деятельности этого Федерального закона представленные определения понятий являются в основном корректными. Но учитывая, что некоторые используемые термины или терминологические конструкции прямо или косвенно могут истолковываться в контексте иных упомянутых законов, смысл (субъективное толкование) отдельных положений закона о персональных данных может меняться, что, опять же, недопустимо.

Прежде всего считаем обязательным указать на коллизию норм рассматриваемых федеральных законов и статей Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020; далее — Конституция РФ). Статья 24 Конституции РФ устанавливает, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Но сквозь призму понятия «информация», в контексте Закона РФ «О Государственной тайне» и Федерального закона «Об информации», данную статью следует истолковывать как запрет только на сбор, хранение, использование и распространение исключительно задокументированных (зафиксированных) на каком-то носителе и в каком-либо виде (письменном, аудиальном, видео, цифровом / программном и пр.) сведений. При такой интерпретации получение информации посредством сиюминутного визуального

¹ См., например: Об утверждении Инструкции по обеспечению режима секретности в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 5 января 2004 г. № 3-1 дсп.

² ГОСТ 7.0-99. Архивная копия от 2 апреля 2015 г. на Wayback Machine. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. URL: <http://www.docload.ru/Basesdoc/33/33922/index.htm#i222082> (дата обращения: 09.05.2023).

или инструментального наблюдения (которое, несомненно, является сбором информации), а также иные способы, которые охватываются некоторыми оперативно-разыскными мероприятиями, не подпадают под данный конституционный запрет, что, конечно же, является нонсенсом. В связи с этим ст. 29 Конституции РФ, гласящая, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», должна рассматриваться как декларирующая свободу поиска (и всех дальнейших действий) только информации в виде сведений и фактически запрещающая поиск чувственной информации, так как до ее фиксации она не является сведениями, что полностью противоречит предшествующей норме и также является юридическим нонсенсом. Сказанное подтверждает нашу гипотезу о необходимости в контексте исследования рассматривать информацию в ее двуедином значении — и как объективное отражение действительности, и как сведения (задокументированная информация).

Дальнейший анализ рассматриваемых нормативных правовых актов позволяет утверждать, что подобный подход законодателя является изначально порочным. Так, перечень сведений, составляющих государственную тайну (ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне»), и основанный на нем аналогичный перечень, утвержденный приказом МВД России от 25 августа 2007 г., устанавливают категории сведений, составляющих государственную тайну. И законодатель, и ведомственные нормотворцы при этом используют лексические конструкции «сведения в военной / внешнеполитической / научной / экономической / технической / оперативно-разыскной, разведывательной, контрразведывательной области о...». Перечисляя категории сведений о различных аспектах оперативно-разыскной и смежных с нею разведывательной и контрразведывательной деятельности, законодатель акцентирует внимание именно на сведениях о деятельности, а не на самой деятельности как функциональной активности некоего субъекта в конкретном месте и в конкретное время. И тут необходимо отметить, что помимо многочисленных сведений, отраженных в «закрытых» правоустанавливающих, плановых, распорядительных, отчетных, статистических и прочих оперативно-служебных документах, сама деятельность как таковая представляет собой последовательность неких отдельных действий конкретных субъектов, событий, состояний, фактов, имеющих сиюминутную и перспективную по времени секретность. Например, присутствие оперативного

сотрудника в конкретном месте и проведение им негласных оперативно-разыскных мероприятий, принадлежность лица к оперативному подразделению или специальной службе, оказание лицом конфиденциального содействия и др. Многие именно функциональные (технические, тактические, кадровые и иные) составляющие перечисленных видов деятельности сами по себе являются секретными, независимо от того, задокументированы ли они и будут ли когда-либо отражены в документах вообще. Такая информация, объективно образуясь и какое-то время существуя в природе, может кем-то целенаправленно или случайно восприниматься, что также может представлять определенную (пусть даже не умышленную) угрозу какому-либо виду государственной безопасности в случае ее распространения в некоем круге лиц, и поэтому требует своего превентивного или реактивного купирования, но, в соответствии с представленными положениями упомянутых законов, подобный «вид защиты» тайны не предусмотрен, так как не предусмотрен сам вид информации, представляющей тайну. То есть сохранению в тайне могут подлежать два вида информации — информация как отражение реальности (например, некое событие) и сведения как задокументированная информация о данном факте (предмете или лице).

Примерами такой информации можно (и нужно) считать факты проведения субъектами ОРД легендируемых или полностью негласно проводимых оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных «закрытыми» ведомственными наставлениями, когда само нахождение сотрудника оперативного подразделения в определенное время на каком-либо объекте или местности уже скрывается, маскируется или легендируется от разглашения и понимания истинного смысла происходящего. Или, например, факт встречи конфиденанта с оперативным сотрудником в рамках негласного сотрудничества. Но действующая редакция Закона РФ «О государственной тайне» и основанные на нем подзаконные нормативные акты по обеспечению делопроизводства и режима секретности не учитывают указанного функционального аспекта, считая государственной тайной лишь сведения в виде задокументированной информации, а ее защиту сводя именно к защите носителей сведений. Подобный подход, очевидно, является приемлемым, действенным и рациональным исключительно при работе с документами, содержащими сведения, составляющие государственную или служебную тайну (или иными материальными носителями таких сведений),

и обусловливает соответствующий «регламентный принцип» защиты, т. е. регламентированный и управляемый строгим и, что немаловажно, конкретно сформулированным в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах.

В контексте вышеизложенного представляется, что действующее российское законодательство, а именно Закон РФ «О государственной тайне», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», содержит в своих текстах определение тайны, критически не отвечающее правоприменительной практике субъектов оперативно-разыскной, разведывательной, контрразведывательной, военной и ряда иных видов деятельности, и не обеспечивает юридически правомерной всесторонней защиты информации, представляющей государственную или служебную тайну и требующей своего скорейшего разрешения.

Частичным потенциальным решением данной нормативной проблемы и своего рода основой будущего официального юридического определения понятия «тайна» могла бы являться разработанная много лет назад в рамках законопроекта дефиниция этого понятия. Так, в 2011 г. депутатами Государственной Думы В. В. Бобыревым, А. Н. Волковым, М. И. Гришанковым, В. В. Дятленко, В. И. Илюхиным, Н. С. Леоновым, В. В. Маргеловым, А. М. Розуваном был разработан проект закона «О служебной тайне», в рамках которого предложено следующее определение служебной тайны: «...конфиденциальная информация, образующаяся в процессе управленческой деятельности органа или организации, распространение которой нарушает права и свободы граждан, препятствует реализации органом или организацией предоставленных ему полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации, а также конфиденциальная информация, полученная органом или организацией в соответствии с их компетенцией в установленном законодательством порядке» [24, с. 14]. Упомянутый законопроект по неизвестным автору причинам не был принят, что не умаляет правильности и ценности представленной в нем юридической терминологии, и в частности определения понятия «служебная тайна», которое могло бы быть использовано в качестве «терминологической матрицы» для синтеза таких определений, как «тайна», «государственная тайна», «служебная тайна», «профессиональная тайна» и т. д. Достоинством данной дефиниции мы считаем толкование ин-

формации как абстрактного феномена объективного отражения любой реальности, а также как неких зафиксированных на любом носителе, в любом виде и любым способом сведений. В то же время акцент рассматриваемой дефиниции исключительно на управленческой деятельности субъекта нам представляется недостатком, значительно, но при этом неоправданно сужающим содержательную часть.

Но почему, признавая достоинства и прагматизм представленной дефиниции понятия «тайна», мы, тем не менее, считаем его лишь частичным решением проблемы? Мы всецело разделяем позицию наших коллег, что понятие «тайна» неразделимо с функциональным механизмом ее (тайны) защиты со стороны субъекта. Поддержку находим в научных изысканиях М. Ю. Мартышина, считающего, что «...понимание института государственной тайны характеризуется определенным дуализмом: с одной стороны, государственная тайна представляет собой сведения определенного характера, к которым ограничивается доступ; с другой стороны, — механизмы их защиты от неправомерного распространения...» [9, с. 8]. Иными словами, понятие тайны должно включать в себя хотя бы самое обобщенное упоминание о функциональном механизме ее защиты (сохранения).

Основываясь на изложенном, считаем возможным и целесообразным синтезировать следующее аутентичное определение тайны как таковой. Тайна — информация, образующаяся в процессе жизнедеятельности субъекта и правомерно скрывающаяся им от всех посторонних, любое распространение которой нарушает права и свободы субъекта или третьих лиц, препятствует реализации субъектом предоставленных ему прав, свобод или полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации.

В контексте данной дефиниции и тематики нашего исследования целесообразно и возможно представить следующее определение тайны в ОРД. Тайна в оперативно-разыскной деятельности — информация, образующаяся в процессе жизнедеятельности субъекта ОРД и лиц, в нее вовлеченных, и правомерно скрывающаяся от всех посторонних. Любое распространение указанной информации вредит интересам субъекта, нарушает права и свободы субъекта или третьих лиц, препятствует реализации субъектом предоставленных ему прав, свобод или полномочий либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации.

1. Зубач И. Н. Негласность как правовой феномен в уголовном процессе Украины // Научный обзор. 2014. Т. 8, № 7. С. 77—85.

2. Синченко Г. Ч. Логика диссертации: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Омск: Омская акад. МВД России, 2008. 218 с.

3. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998. 404 с.

4. Павличенко Н. В. Правовая охрана лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность: монография. Омск: Омский юрид. ин-т, 2011. 248 с.

5. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2020. 536 с.

6. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 495 с.

7. Кузьмин С. В. Тайна в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Ставрополь, 2000. 23 с.

8. Паршин С. М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 207 с.

9. Мартышин М. Ю. Государственная тайна как объект конституционно-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 191 с.

10. Павличенко Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. Москва: Амалданик, 2016. 186 с.

11. Дубровский Ю. В. Коммерческая, налоговая и банковская тайна: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 237 с.

12. Мицук С. В. Защита и обработка конфиденциальных документов. Виды тайн: учеб. пособие. Липецк, 2017. 62 с.

13. Павлов А. В. К вопросу о законодательном определении понятий профессиональных тайн // Вестник Омской юридической академии. 2019. Т. 16, № 1. С. 13—19.

14. Ивлев Ю. В. Логика: учебник. Москва: Изд-во МГУ, 1992. 269 с.

15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 4. 683 с.

1. Zubach I. N. Non-publicity as a legal phenomenon in the criminal process of Ukraine. Naukoviy oglyad, 77—85, 2014. (In Ukr.).

2. Sinchenko G. Ch. Logic of the dissertation. Textbook. 2nd ed., add. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2008: 218. (In Russ.).

3. Smol'kova I. V. Issues of secrets protected by law in the criminal process. Dissertation of doctor of juridical sciences. Irkutsk; 1998: 404. (In Russ.).

4. Pavlichenko N. V. Legal protection of persons providing confidential assistance to detective activities bodies. Monograph. Omsk: Omsk Law Institute; 2011: 248. (In Russ.).

5. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure publicity and secret in criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2020: 536. (In Russ.).

6. Blackburne R. Psychology of criminal behavior. Saint Petersburg: Peter; 2004: 495. (In Russ.).

7. Kuzmin S. V. Secret in criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Stavropol; 2000: 23. (In Russ.).

8. Parshin S. M. Secret in criminal legislation (theoretical and applied research). Dissertation of candidate of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2006: 207. (In Russ.).

9. Martyshin M. Yu. State secret as an object of constitutional and legal regulation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2009: 191. (In Russ.).

10. Pavlichenko N. V. Legal and theoretical issues to ensure non-publicity in detective activities. Monograph. Moscow: Amaldanik; 2016: 186. (In Russ.).

11. Dubrovsky Yu. V. Commercial, tax and banking secrets: criminal legal and criminological aspects. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 237. (In Russ.).

12. Mitsuk S. V. Confidential documents protecting and processing. Types of secrets. Textbook. Lipetsk; 2017: 62. (In Russ.).

13. Pavlov A. V. On the issue related to the legislative definition of concepts of professional secrets. Bulletin of the Omsk Law Academy, 13—19, 2019. (In Russ.).

14. Ivlev Yu. V. Logic. Textbook. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1992: 269. (In Russ.).

15. Dal' V. I. Explanatory dictionary of the Great Russian language. Vol. 4, Moscow: State-Publishing House of Foreign and National Dictionaries; 1955: 683. (In Russ.).

16. Ожегов С. И. Словарь русского языка: словарь / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Рус. яз., 1991. 915с.

17. Сериков В. Н. К вопросу о тайнах государственных и не государственных // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 122—126.

18. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 5-е изд., стер. Москва: ГИС, 1955. 856 с.

19. Попандопуло Д. В. Проблемы защиты государственной тайны в оперативно-разыскной деятельности: монография. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2016. 132 с.

20. Спиркин А. Г. Философия: учебник. 2-е изд. Москва: Гардарики, 2006. 736 с.

21. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва: ИНФРА-М, 2006. 832 с.

22. Военный энциклопедический словарь / ред. комис.: С. Ф. Ахромеев (пред.). Москва: Воениздат, 1986. 863 с.

23. Шляхтин Е. П., Усманов И. М. Делопроектирование и режим секретности в органах внутренних дел: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2016. 204 с.

24. Кармановский Н. С., Савченко-Новопавловская С. Л. Организационно-правовые основы охраны служебной тайны на предприятии: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Ун-т ИТМО, 2018. 77 с.

Тамбовцев Андрей Иванович,

доцент кафедры
оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
bestcopat@mail.ru

16. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Dictionary. Red. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Rus. yaz.; 1991: 915. (In Russ.).

17. Serikov V. N. On the issue related to the state and non-state secrets. Law and security, 122—126, 2011. (In Russ.).

18. Dictionary of foreign words. Red. by I. V. Lekhina, F. N. Petrova. 5th ed. Moscow: GIS; 1955: 856. (In Russ.).

19. Popandopulo D. V. Problems to protect state secrets in detective activities. Monograph. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2016: 132. (In Russ.).

20. Spirkin A. G. Philosophy. Textbook. 2nd ed. Moscow: Gardariki; 2006: 736. (In Russ.).

21. Theory of detective activities. Textbook. Red. by K. K. Goryainova, V. S. Ovchinsky and G. K. Sinilov. Moscow: INFRA-M; 2006: 832. (In Russ.).

22. Military encyclopedic dictionary. Editorial committee: S. F. Akhromeyev (chair). Moscow: Military Publishing House; 1986: 863. (In Russ.).

23. Shlyakhtin Ye. P., Usmanov I. M. Documentation rules and regime of secrecy in the internal affairs bodies. Textbook. 2nd ed., rev. and add. Kazan: Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2016: 204. (In Russ.).

24. Karmanovsky N. S., Savchenko-Novopavlovskaya S. L. The organizational and legal foundations of the protection of official secrets at the enterprise. Textbook. Saint Petersburg: University ITMO; 2018: 77. (In Russ.).

Tambovtsev Andrey Ivanovich,

associate professor
at the department of detective activities
in the internal affairs bodies
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
bestcopat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2025; принята к публикации 14.02.2025.

The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 09.02.2025; accepted for publication 14.02.2025.

* * *